

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ИССЛЕДОВАНИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I	
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	11
Глава II	
ОРГАНОГРАФИЯ	20
I. ИДИОФОНЫ	25
II. МЕМБРАНОФОНЫ	37
III. ХОРДОФОНЫ	39
IV. АЭРОФОНЫ	42
Глава III	
ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА	62
Раздел I	62
Раздел II	69
§ 1	69
§ 2	71
§ 3	74
§ 4	75
§ 5	77
§ 6	88
ЛИТЕРАТУРА	96
ЧАСТЬ II. АНТОЛОГИЯ НОТНЫХ ЗАПИСЕЙ	107
АНТОЛОГИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКИ ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ	108
1. Сигнальные и обрядовые наигрышы	108
2. Музыка для слушанья	108
3. Наигрышы под пляску	109
4. Наигрышы под пляску с пением	109
5. Нигрышы к песням (частушкам)	109
6. Спасовские	109
НОТНЫЕ ТЕКСТЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	
ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ	111
1. Сигнальные и обрядовые наигрышы	112
2. Музыка для слушанья	125
3. Наигрышы под пляску	176
4. Наигрышы под пляску с пением	183
5. Нигрышы к песням (частушкам)	190
6. Спасовские	203

УКАЗАТЕЛИ	253
I. Морфологический указатель инструментария	257
II. Зональный указатель	258
III. Указатель народной терминологии	259
IV. Указатель традиционных форм функционирования	261
V. Указатель традиционных форм исполнительства	261
VI. Музыкально-структурный указатель инструментария	262
VII. Жанровый указатель наигрышей антологии	262
VIII. Географический указатель	266
IX. Указатель исполнителей	266
ПРИЛОЖЕНИЯ	269
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
<i>А. А. Соколов. К вопросу о драматургии танцевального фольклора</i> (Попытка конкретного анализа)	270
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
<i>Ю. Е. Бойко. Спасовские частушки междуречья Волхова и Сязи</i>	281
ПРИЛОЖЕНИЕ III	
Иконография музыкального инструментария и мастеров — носителей инструментальной музыкальной традиции Южного Приладожья	321

**МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ**

Часть I

ИССЛЕДОВАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

При подготовке глав «Музыкальные инструменты» и «Инструментальная музыка» для коллективного учебника «Народное музыкальное творчество» [81, 82] автор столкнулся с главной и пока непреодолимой проблемой — полным отсутствием крупных монографических исследований, посвященных *целостному охвату* инструментальной музыкальной культуры хотя бы одного русского историко-культурного региона, этнографической группы и даже административной области. Без таких исследований, опирающихся на конкретные полевые, музейные, архивные материалы, иконографию, звукозаписи, нельзя серьезно рассуждать ни о региональном, ни об историческом, ни о стилевом своеобразии русской народной музыки, складывающейся именно на основе исторической дифференциации и интеграции региональных традиций.

Музыкальные инструменты и традиционная инструментальная музыка, в известной степени более независимые от вербальных мутаций и соответствующих ассимилятивных процессов, способные хранить архаические субстратные явления даже при существенных изменениях языка и самосознания, представляют ценнейший материал для понимания общих процессов этногенеза, истории народа и страны.

Представленная вниманию читателя работа является первым *опытом* такого рода исследования на русском этническом материале.

Южное Приладожье — исторически Новгородская пятина, Новолодожский и Тихвинский уезды Петербургской и Новгородской губерний — ныне занимает территории Волховского, Киришского, Тихвинского, Подпорожского и Лодейнопольского районов Ленинградской области.

Географически это примыкающие к южному побережью Ладожского озера поселения бассейнов нижнего течения рек Волхов, Свирь, Тихвинка, Сясь. В этнокультурном плане эти земли — пограничье ранней новгородской колонизации и более поздней славянизации прибалтийско-финских племен.

Для искусствоведения художественные традиции этих земель представляют собой особый интерес не только благодаря редкой (в соотношении с другими русскими территориями порой *беспрецедентной*) сохранности в живой традиции или существующей в активной памяти носителей искусства, но и в плане разнообразных исторических процессов эволюции культуры, связанных с политико-экономическими факторами, войнами, сменой рыночных и интегративных векторов (западных и восточных, российских и финско-шведских, древней Ладоги, Новгорода, Москвы, Петербурга), культурных миграций, социальных и конфессиональных факторов, культурно-идеологических коллизий XX в. и т. д.

В контексте нашего исследования естественное место занимают сопоставления музыкального инструментализма русских южного Приладожья как с соседними исторически родственными, сохраняющими свою этническую идентичность, самосознание и язык вепскими культурами, так и с традициями других финно-угорских и восточнославянских (прежде всего русских) регионов. Ведь их взаимодействия не только исторически взаимообусловленные, но и много веков успешно продолжающиеся. «Вепсы, карелы, коми, ижора, частично эсты (эстонцы. — *И. М.*), саамы, мордва, удмурты, “черемисы” (мари), “югра” (ханты и манси) еще со времен Киевской Руси оказались в эпицентре славянской военно-торговой и колонизаторской экспансии... После включения в состав Российского государства» влияние на них усилилось «установлением нового административного управления и политики христианизации» [119: 20].

В предлагаемой вниманию читателя работе займут место исследования:

- 1) строения, морфологии, акустических особенностей, эргологии (способов изготовления) традиционных музыкальных инструментов южного Приладожья;
- 2) историко-культурных пластов, путей генезиса, эволюции, этнокультурной и половозрастной стратиграфии инструментария;
- 3) роли инструментов в быту, прикладной и художественной деятельности;
- 4) технико-исполнительской специфики инструментов в связи с их объективными возможностями, музыкальной практикой, опытом, перспективами их развития и положением в современной русской музыкальной культуре;
- 5) системы традиционных жанров инструментальной музыки в их историческом становлении и развитии;
- 6) контактов и взаимодействий инструментальной музыки с другими явлениями традиционного *мусического* (хореографией, песней, игрой и представлением, включая полиэлементные явления — танцы, частушки, в т. ч. региональные — новгородские, волховские, «Скобаря под драку», а также особую, специфически местную их форму — «Спасовскую») и *пространственного* искусства (резьбой по дереву, художественным шитьем, вязанием, плетением из бересты и т. д.), традиционной архитектуры;
- 7) образного строя, музыкальной семантики, формообразования, ритмики, мелодики, артикуляционной, импровизационной и композиционной сторон инструментальной (и, соответственно, — вокально-инструментальной либо инструментально-вокальной) музыки.

В рамках исследования будут представлены впервые выполненные на русском материале:

- 8) аналитические нотации целостных композиций традиционных инструментальных произведений малых, крупных (в т. ч. программных) и циклических форм; трудовых, сигнальных, обрядовых, магических, заклинательных, мужских, женских, детских, приуроченных, лирических (в т. ч. — музыки для слушания), чисто инструментальных и в сочетании с пением или хореографией, игрой, шествием;
- 9) аналитические указатели — микрорегиональный, инципитный, жанровый, ритмических моделей и композиционных форм, ладо-звукорядный, традиционных музыкальных терминов и понятий; при этом будут учтены как данные объективного анализа, так и традиционные представления об эстетике, теории музыки самих народных музыкантов и жителей региона — реципиентов традиционного искусства, а также фото-иллюстративный материал.

Существенный вклад в транскрипционную и оформительскую работу по подготовке нотной антологии и оформления данной работы внесли Ю. Е. Бойко, Н. К. Бондарь, С. В. Косырева, М. И. Карпец, А. Б. Никаноров, Д. Детчуева.

Направленность и тематика настоящего исследования определялись постепенно, на основе инициированной В. Е. Гусевым и начатой в секции фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии длительной разведывательной и собирательской работы по комплексному изучению фольклора Ленинградской области (и, шире, — Северо-Запада), продолженной в секторах фольклора и инструментоведения Российского института истории искусств. Работа эта велась в самых разных направлениях: одно из них реализовалось в подготовленном секцией сборнике «Песенный фольклор Ленинградской области» (см.: [69: 97–118]), где представлены статьи и материалы по основным жанрам народно-песенной культуры, другое — в диссертации, статьях и монографическом сборнике Ю. Е. Бойко, посвященных инструментальным и инструментально-вокальным жанрам позднего формирования [17, 18].

Настоящее исследование предварила многолетняя полевая экспедиционная и транскрипционная работа, которая велась по специально разработанной нами методике, осно-

ву которой составляет системно-этнофонический (синхронное изучение инструментария, исполнительства и самой музыки в контексте целостной региональной истории и этнической культуры на всех этапах исследования), комплексно-апробационный (исполнительская апробация самим исследователем изучаемых инструментов и способов игры на них) и когнитивный (учитывающий эстетические и жанрово-структурные представления, традиционную музыкальную теорию и терминологию самих носителей традиционного искусства) подходы [79-а; 82; 86; 88; 89].

Летом 1970 г. состоялась первая, разведывательная, экспедиция в села бассейна р. Волхов (Киришский район), которая наряду с интересными материалами по другим видам фольклора обнаружила уникальные образцы народных инструментов и инструментальной музыки, никогда ранее не зафиксированные. Тогда же собиратели столкнулись с практически не исследованной и характерной именно для названного региона особой локальной разновидностью русских припевок, выделенной нами в специфический вокально-инструментальный жанр, самими носителями фольклора именуемый «Спасовская»¹.

Постепенно регион стал зоной постоянных изыскательских интересов: в течение 1971–1980 гг. состоялись новые экспедиции Института, а также других учреждений Ленинграда — Областного дома (ныне — Научно-методического центра) народного творчества, Фольклорно-этнографической комиссии Общества охраны памятников истории и культуры, Музыкального училища им. М. П. Мусоргского, Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российского этнографического музея), Ленинградского камерного фольклорного ансамбля — в Киришский, Волховский, Тихвинский и соседние — со значительной частью сохранившейся вепсской этнокультурной составляющей — Бокситогорский, Подпорожский, Лодейнопольский районы Ленинградской области.

Проводились они в разное время года, летом и зимой, весной и осенью, на различные сроки. Были установлены постоянные контакты с исполнителями и любителями народного инструментализма, велась переписка с корреспондентами, которые в период между экспедициями фольклористов сами продолжали сбор и проверку сведений.

Параллельно осуществлялась транскрипция (нотация) звукозаписей, анализ инструментария, исполнительства, композиционных особенностей инструментальных наигрышей, а также всего того, что связано с их функционированием: трудового быта, обрядов, частушек, танцев. Постепенно выкристаллизовалась и (обозначенная вначале как междуречье Волхова–Сяси) этно-стилевая зона, которая сформировалась в специфических исторических, социальных и этнографических условиях². Ее искусство и представлено в настоящем исследовании. Все экспедиции, равно как научно-исследовательская, расшифровочная и документационная работы, совершались при участии и под руководством автора этих строк. В сборе материала наряду с автором принимали участие инструментоведы, этномузыкологи, фольклористы и этнографы Ю. Е. Бойко, И. А. Баранова, Ю. И. Воронцов, Р. Б. Галайская, С. Г. Айвазян, А. Н. Годовиков, В. А. Игумнов, М. В. Каретина, Н. В. Введенская, А. А. Лаугин, Т. В. Лунева, И. Б. Барсова, М. В. Мациевская, А. И. Мозиас, С. М. Овчаров, Е. М. Рогачевская, В. И. Мациевская, А. А. Соколов, Л. Н. Рыжкова-Сорокина, Г. Л. Бенедиктов.

Большую роль в собирании и трактовке фиксируемого материала сыграли местные жители П. Г. Буев, М. А. Прокофьев, Н. М. Баранов, А. Г. Зорькина, работники отдела культуры Киришского и Тихвинского горисполкомов (зав. А. Г. Шишунова, А. Г. По-

¹ Приоритет ее открытия принадлежит Л. М. Кершнер. Однако первая попытка ее описания осуществлена автором, а затем развернута в серьезное исследование Ю. Е. Бойко [17: 19–62].

² См. главу «Органография» настоящей книги, нашу работу «О финно-угорских реликтах и параллелях в русской народной инструментальной музыке» [87: 35–44], а также: *Мациевский И. В. В пространстве музыки. Т. 2.* СПб.: РИИИ, 2013. С. 35–43.

ляков, Н. Н. Виноградов — последний в прошлом сам народный музыкант), зав. общественной фольклорной секцией Киришского горисполкома Л. Н. Рыжкова-Сорокина, создатель и директор одной из первых в России Киришской школы искусств этномузыковед-исследователь А. И. Мозиас, а также участвовавшие в наших экспедициях студенты: филолог Л. Ивашнёва, этномузыковед и композитор В. Рывкин. Начиная с 2000-х гг. и по настоящее время весьма активно занимается возрождением и реконструкцией (прежде всего вепских) музыкальных инструментов Южного Приладожья живущий в пос. Винницы Подпорожского р-на талантливый мастер-энтузиаст А. Н. Каравашкин. Постоянно обращался к этому региону — и как собиратель, исследователь, и как практик-исполнитель — Ю. Е. Бойко (в составе руководимого мною Ленинградского/Петербургского Камерного фольклорного ансамбля, в возглавляемых им любительских фольклорных коллективах), а также в своих теоретических исследованиях в области традиционной инструментальной музыки [17–19]. Существенную помощь в доведении данного исследования оказали научные сотрудники РИИИ А. Б. Никаноров, В. А. Фролов, О. В. Колганова, старший преподаватель Санкт-Петербургского института культуры Н. К. Бондарь, преподаватель Санкт-Петербургского училища культуры В. Л. Хмелев, доцент Петрозаводской гос. консерватории С. В. Косырева.

Нотации инструментальных наигрышей осуществлены автором и Ю. Е. Бойко по единой методике [83: 233–272].

Настоящая работа состоит из трех частей и Приложения.

В состоящей из трех глав первой ее части представлены исторический, этнокультурный и функциональный контексты традиционного инструментального искусства Южного Приладожья, исследования морфологии (строения) и эргологии (способов изготовления) традиционного инструментария, основных жанров традиционной инструментальной и вокально-инструментальной музыки, включая особую ее локальную разновидность — «Спасовскую».

Во второй — даны нотные тексты основных жанров инструментальной (в т. ч. вокально-инструментальной) музыки региона, расположенные по жанровому принципу, внутри жанра — по инструментарию, стилевой подзоне и согласно традиционным исполнителям этой музыки.

Третью часть составляют систематические указатели по инструментарию и инструментальной музыке Приладожья, помогающие ориентироваться в материале.

В приложении представлены рисунки и фотографии традиционных музыкальных инструментов и исполнителей на них.

Глава I

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

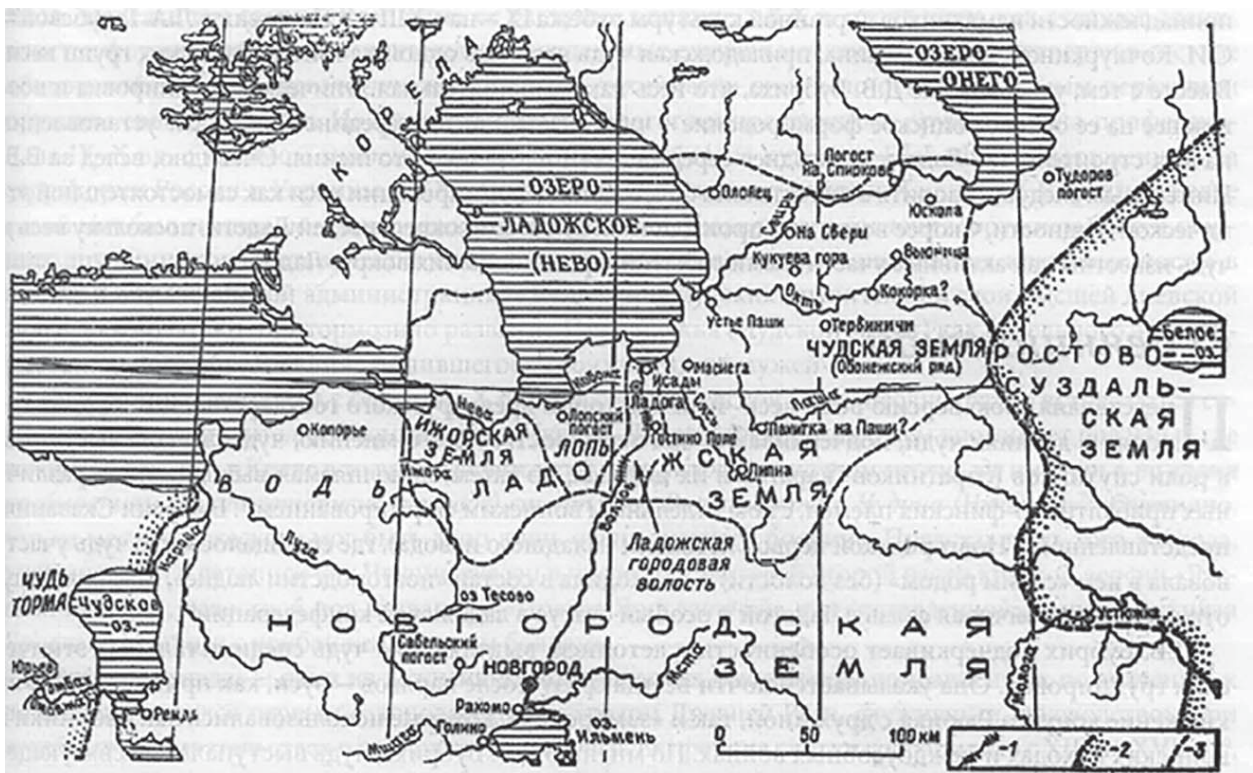
Южное Приладожье как в географическом, этноисторическом, так и в политико-административном планах составляет часть Европейского Севера России — обширного региона от Кольского полуострова (и, соответственно, государственной границы России с Норвегией) до западных отрогов Урала [30: 16]. Названный макрорегион в XVII–XVIII вв. был известен по другим названиям: Север, Поморье, Северная Русь; в XIX в. именовался Европейским Севером; сегодня он включен в состав Северо-Западного федерального округа, т. е. охватывает Ленинградскую, Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, а также Республики Карелию и Коми. Баренцево, Белое, Карское моря, многочисленные озера и реки европейского Севера России и в ранние, и в последующие века определяли тип хозяйствования, экономику всего макрорегиона и способствовали, в самом широком плане, — развитию внешней торговли и расширению контактов внутри региона.

В *географическом* отношении Приладожье занимает западную часть Вепсской возвышенности, по которой проходит водораздел рек Балтийского и Каспийского бассейнов. Рядом, северо-восточнее, проходит великий Андомский водораздел, откуда начнутся реки Атлантического (через Балтику), Ледовитого (через Белое море) океанов и Каспия (реки Сойда и Кема). Из озер Вепсской возвышенности выходят реки Оять и Паша — наибольшие притоки р. Свирь. Все это также в разные времена способствовало самым разнообразным миграциям населения.

В плане *историческом* Приладожье, как и весь Европейский Север России, представляет собой территорию давнего заселения *финно-угорскими* племенами и народами. Здесь, в основном, до настоящего времени сохранилась финно-угорская и (в восточной части) *самодийская гидро- и топонимика*, что позволяет (наряду с культурно-функциональными факторами) трактовать весь макрорегион как *историческую родину* целой группы *финно-угорских народов*: карел, вепсов, саамов, води, ижоры, коми, освоивших эти земли задолго до появления здесь восточнославянских этногрупп [112: 3]. На северо-восток от этих земель, на Андомской возвышенности (ареал расселения древней веси), вепские следы существенно проявляются как в топонимике, так и в материальной и духовной культурах пограничных районов Вологодской области (Вытегорского) и Карелии (Пудожского) [72a; 109]. Вместе с тем *контакты* коренных финно-угров Приладожья, как и всего Европейского Севера, с *восточнославянскими переселенцами* в этих краях относятся к достаточно ранним временам: согласно данным археологов, первые — не позднее VIII в. [65].

Нынешние *русские* Приладожья в значительной своей части — потомки *новгородских словенов*, равно как и более поздних переселенцев из *других регионов Руси*, а также часть *ассимилированного* ими *вепсского* населения (исторической «Веси Великой», широко отмечаемой в древнерусских летописях начиная с «Повести временных лет»). Сохранившие до настоящего времени свою этнокультурную идентичность *вепсы* Ленинградской области проживают в Винницком, Алеховщинском, Вознесенском, Пашозерском, Радогощенском поселениях, а также в деревнях Вонозеро (вепс. — Enarvi), Немжа, Ньюговичи. Численность вепсов (как здесь, так и в соседних регионах Вологодской области и Карелии) в XX в. из-за частых смен административных границ, репрессий и выселений в Сибирь в течение последнего века сократилась почти вчетверо.

На побережьях морей, рек и озер издавна находились *единственные дороги*, что отразилось не только на хозяйственной деятельности жителей прибрежных поселений (значительной роли рыболовства и связанных с ним ремесел), но и на *характере расселения и движения народов*, торговле, *обмене знаниями и технологиями*. Четыре российских губернии на Северо-Западе (Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая) не случайно получили название *Озерной области*: кроме больших (Ладожское, Онежское, Чудское, Ильмень, Белое) озер здесь — тысячи (!) небольших, да множество рек. Этот край сыграл очень важную роль в *формировании государственности Руси/России* [10]. И правда. В начальный период становления государства и его первых столиц (Ладога, Новгород) река Волхов стала ключевым пунктом экономической географии Восточной Европы, явившись *основополагающей ветвью*: 1) *Серебряного* (соединившего Балтийское и Каспийское моря), или *Великого Волжского, пути* («Из варяг

Этническая карта Европейского Севера во 2-й пол. VIII–X вв.¹

в арабы»), достигшего наибольшей активности во второй половине VIII в.; 2) *Днепровского* («Из варяг в греки»), связав страны Балтии и Скандинавии с Причерноморьем и Византией в IX в.

По территории Приладожья проходили *несколько ответвлений* Серебряного пути от Ладоги: по Волхову в Ильмень, далее по Мологе и Мсте к Волге; по рекам Сясь (приток Волхова), Тихвинка, Чагойша, Молога в Волгу. В IX–XIII вв. активизируется путь от Онежского озера в Ладожское (через соединяющую их р. Свирь) и Свирско-Шекснинский участок от Онеги в Волгу [45: 213]².

Славянские племена двигались в северном направлении (включая Приладожье) с середины VIII в. и встретились здесь с местными финно-уграми: весью и чудью заволо-

¹ См.: [98: 45].

² Современный канал Волго-Балт — своего рода повторение этого пути [112: 16].

ской (историческими предками основных групп вепсов), активно сотрудничали с ними, образовав совместно с ними своего рода *славяно-финскую федерацию*, явившуюся первоосновой создания государства [65: 41].

Период с VIII до середины XI в. в мировой истории принято называть эпохой викингов и трактовать их рейды (с грабежами и взиманием дани с местного населения) как своего рода запоздалый финал большого периода переселения народов [69: 66]. На Руси за скандинавскими викингами закрепилось имя *варягов*, хотя и сам термин «русь» был одним из их самоназваний [112: 20].

При всех связанных с походами викингов проблемах довольно высокая самоорганизация варягов вызвала стремление восточных славян с помощью варяжских *конунгов* — князей и их дружин не только защитить свое население и хозяйство от разбойничьих разорений, но и стабилизировать общество и создать государство. Складывавшиеся на протяжении нескольких веков договорные отношения и стабильное сотрудничество между собой славянских племен (ильменских *словен*, *кривичей*) и прибалтийско-финских (*чудь* и *весь*), образовавших вышеназванную федерацию, постепенно привели к формированию своего рода *предгосударственного* образования. Приглашение варягов и освоение их организационного опыта — к созданию государства.

Им и явилось *первое на Севере* с центром на берегу нижнего Волхова в г. Ладоге *древнерусское государство* во главе с *конунгом* Рюриком. Выбор *Ладоги* был вполне обоснованным. Уже к середине VIII в. благодаря своему удачному географическому положению на перекрестке морских и речных дорог, развитию ремесел и торговых отношений (сюда могли заходить и малые плоскодонки, и большие морские суда до 11 м длиной) Ладога становится крупным средневековым городом с развитой экономикой: уже к X в. здесь формируются судостроение, косторезное, стекольное, бронзолитейное дело; через нее происходило и снабжение огромного региона изделиями из Западной Европы — Скандинавии, Германии, Англии, прежде всего. Да и местное прибалтийско-финское, а затем и славянское население активно включалось в торговые отношения с Ладогой, что привело, наряду с сохранением традиционной хозяйственной деятельности (животноводства и подсечного земледелия), к развитию охоты, добычи имеющей широкий спрос пушнины, а позже — и новых форм производства и военного дела (первоначально последнее было прерогативой варягов, как обеспечивающих безопасность ремесла и торговли наемной силой, порой и оседавших в местной среде).

Имели место и активные контакты прибалтийско-финского и славянского населения Северо-Западной Руси с балтскими племенами, что сказалось на *традиционной культуре*. В аспекте нашей тематики здесь ярким примером является вепсский (равно как и карельский) цитровидный хордофон *кантеле*: и конструктивные, и терминологические аналогии с литовским канклес, латышским куокле (или кауклес) очевидны [21: 12].

Ладога, с ее разноэтнической средой, надолго сохраняла свое значение и после переноса северной столицы в Новгород и вместе с другими выросшими на этих землях центрами (Новой Ладогой, Тихвином, Лодейным Полем, позже Киришами и Волховом) существенно повлияла на *культурно-функциональную специфику* края и, в частности, на своеобразие его *традиционного музыкального инструментализма*.

Заключительной стадией становления Древнерусского государства явилась консолидация сформированной под началом Рюрика Северной (Рюриковой) Руси с Южной, после завоевания в 882 г. его центра — Киева преемником Рюрика князем Олегом. Основное значение для торговли теперь приобрел путь по Восточно-Европейской равнине с севера на юг — «из варяг в греки». Но характерно, что кн. Олег после своих побед не обложил данью племена веси и чудь — либо из-за их значительной в то время политической силы, либо по причине их подчинения Ладоге [112: 23].

К концу XI в. из-за смены основной торговой магистрали Ладога столичную миссию передает Новгороду, однако сохраняет свое региональное значение и остается (наряду с Новгородом и Псковом) в числе трех главных центров Северной Руси. Теряет же она свой статус лишь в XIV в., войдя в состав Новгородской республики, которая, так же, «как в свое время Ладожская федерация с самого возникновения являлась межплеменным славяно-финским центром» [112: 23].

Более трех столетий сохранявшая свою самостоятельность Новгородская держава в 1487 г. ее утратила, войдя в состав централизованного Московского государства; ее владения (в т. ч. новгородских бояр) перешли в государственную собственность, а ее сельские жители стали *государственными крестьянами*, платящими налоги в казну. Последнее обстоятельство немало сказалось на специфике традиционной культуры южного Приладожья, особенно значительно оно повлияло на искусство *мужского начала* и, в частности, на традиционный музыкальный *инструментализм*.

Исходная составляющая *русского населения* Приладожья и соседних с ним (на север и восток) земель — потомки новгородских (ильменских) словен и часть славянизированных правепских племен (веси и чуды), следы которых отчетливо фиксируются как в гидронимике, топонимике, так и в материальной и духовной культуре русских в этом краю [72: 135–141; 109: 185–252].

Славянизация и *постепенное обрусение* значительной части южного Приладожья проходили поэтапно и достаточно мягко в связи с мирным характером взаимоотношений и сотрудничества (как видим, не только материального, но и военно-политического) местного прибалтийско-финского и постоянно расширяющего свою территорию славянского населения, формирующегося здесь как *севернорусская этнокультурная общность*.

Переселенцы приходили сюда в разное время и из разных мест. Их миграции были вызваны сложными жизненными, экономическими и политико-культурными обстоятельствами на землях прежнего обитания: нашествиями монгольских, золотоордынских, тевтонских и др. завоевателей, церковным расколом в связи с реформой патриарха Никона, установлением и усилением крепостного права, хозяйственной неустойчивостью, периодическими природными бедствиями (засухами, голодом и т. п.). Вышеназванные естественные магистрали облегчали им путь, а государственное положение крестьян и, соответственно, значительно бóльшая свобода для жизнедеятельности в новом краю немало стимулировали их надежды и помыслы в движении на новые земли.

Наряду с наиболее многочисленными собственно славянскими (русскими), немалое место в этих миграциях составляли финно-угорские переселенцы: меря, муромя, мордва, другие представители волжско-финских и пермско-финских этносов, что также не могло не сказаться на специфике традиционной культуры Приладожья и, в частности, его инструментального музыкального искусства. Прибыв в *зону рискованного земледелия* (где поля образовывались за счет частично сжигаемых для этого участков леса, да и климатические условия не способствовали его более широкому разнообразию) и при этом существенных возможностей для *скотоводства* (многочисленные луга и лесные пастбища), они приносили сюда из своих прежних мест «знание, опыт и культуру, которые вместе с культурой входивших в состав России народов составили фундамент, обусловивший устойчивость государства» [29: 16].

Существенным фактором для расширения великорусской составляющей этих земель наряду с естественной необходимостью распространения *русского языка* как *средства межэтнического общения* явилась их постепенная *христианизация*. Ее идеологи прекрасно понимали, что обращение народа в новую для него веру будет эффективным, лишь когда ее основы будут излагаться «на родном, понятном ему языке» (Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. I. С. 147–148.

Троицкий собор Александро-Свирского Свято-Троицкого монастыря

Цит. по: [112: 58]). Поэтому для успешного распространения православия среди инородцев «...необходимо было позаботиться об их обрусении прежде, чем их крещении <...> сделавшись русскими, они, так сказать *eo ipso* (тем самым) получают возможность сделаться христианами» [36].

Вместе с тем среди наиболее значительных проводников христианства на землях Приладожья и Русского Севера в целом было немало представителей коренных этносов. В числе наиболее выдающихся, совершивших немало духовных подвигов и причислен-

Церковь св. Иоанна Златоуста
Староладожского Никольского
монастыря

ных Церковью к лику святых, известны создатель пермской письменности, коми (зырянин) Стефан Пермский (1340–1396) и вепс (по тогдашней терминологии — чюдянин) Александр Свирский (1448–1533).

Существенную роль для успешной христианизации края, распространения письменности, овладения грамотой его обитателями и, естественно, усиления возможностей и значимости в нем русской культуры сыграла не только масштабная религиозная, но в самом широком плане просветительская и культурная деятельность его *монастырей*, возникших уже начиная с XIV–XV вв. и существенно способствовавших *интенсификации образования* (в т. ч. и школьного). Среди них наибольшую роль для общей гуманизации и развития культуры региона в течение многих лет и столетий сыграли, прежде всего, Александро-Свирский Троицкий монастырь (ныне — Верхняя и Нижняя слободы современного г. Лодейное Поле), основанный в 1393 г. Коневецкий Рож-

дество-Богородицкий — на острове Коневец, Свято-Преображенский — на острове Валаам (на Ладожском озере) и Тихвинский Успенский монастыри.

Вепсы (*vepsä*) как народ традиционно устной культуры до XX в. своей национальной письменности не имели. Обучение в школах, в т. ч. на сохранивших свою этническую идентичность землях (сегодня — на стыке Ленинградской, Вологодской областей и Республики Карелия), шло на русском языке. В контексте демократических идей революции 1905 г. зарождается и национально-освободительное движение; в Государственную Думу была направлена петиция о содействии этническому развитию инородцев и их языков; зарождается и вепсская интеллигенция; в 1911 г. написанная крестьянином Г. Елькиным пьеса на вепском языке выдержала несколько представлений, правда, потом была запрещена [112: 87].

Начиная с 1920-х гг., в контексте так называемой ленинской национальной политики постепенно стали открываться школы, где велось обучение вепскому языку; в средних специальных учебных заведениях готовили для них учителей (в 1932 г. открылись вепские отделения в Лодейнопольском и Доможировском педтехникумах); создавались и публиковались учебники; усилилось внимание к вепской песне, вепской культуре в целом; стало уделяться внимание и клубной работе. Более того, в 1927 г. был создан *Вепский национальный округ* (с центром в с. Шамозеро); затем возникли *Винницкий* (ныне Подпорожского р-на Ленинградской обл.) *вепский национальный район* и ряд национальных сельсоветов.

Однако во второй половине 1930-х гг. обучение в школах вепскому языку было прекращено (так как якобы ограничивало возможности полноценного образования), официальные национальные территориальные подразделения (округ, район, сельсоветы) и клубные учреждения постепенно были ликвидированы. В 1938 г. в Ленинградской области закрылись последние. Более того, в контексте «борьбы с буржуазным национализмом» многие учителя, авторы учебников и книг, представители вепской интеллигенции (и даже ученые, языковеды, историки, в том числе Д. В. Бубрих, М. Хамяляйнен) были репрессированы; многие были расстреляны или высланы из родных земель (подробнее см.: [112: 95–109]).

Возникшие в тот период нигилистические этнокультурные настроения сохранились надолго. Помнится, как нам во время экспедиции в деревни Нюрговичи, Вонозеро, Шигола и др. местные учителя говорили, что не разрешают ученикам в школе (даже во время перемен) разговаривать между собой по-вепски, дабы у них не было потом вепского акцента и других проблем при дальнейшем образовании и производственной деятельности. Распространялись в широком быту и мифы о том, что вепсы на самом деле не отдельный народ, а лишь «офиннизированные русские», хотя, особенно в семьях потомков вепской интеллигенции, бывших учителей и клубных работников, некое потаенное чувство и уважение к своей идентичности оставалось. Припоминается, как в 1970-х гг.

Кладбищенская церковь Староладожского Успенского монастыря

в завершение экспедиции мы провели в сельском клубе деревни Вонозеро (Enarv') творческую встречу, вывесив на афишной доске клуба объявление «Фольклор вепсского народа»: какие это вызвало у людей разных поколений слезы, радость, вдохновение!..

И не случайно в контексте общей демократизации страны рубеж тысячелетий знаменуется активным вепсским *этнокультурным возрождением*, возрастает место и уровень исследований языка, этнографии и истории вепсов, проводятся посвященные вепсской тематике конференции (одна из первых в 1987 г. в селе Озеры Подпорожского р-на), широко публикуются труды, посвященные вепсской проблематике, становятся регулярными в Ленинградской обл. вепские фестивали «Древо жизни» (начиная с 1987 г. в Винницах), а в Карелии даже создана (с центром в с. Шелтозеро) Вепсская национальная волость [112: 110–138].

Разумеется, в контексте всего происшедшего в последние века и особенно в XX в., как мы уже выше указывали, число этнических вепсов существенно сократилось (и даже с 2002 по 2010 г. — на 28%) и составило к 2010 г. 5936 чел. (из них в Лен. обл. — 1380, т. е. 23%). Существенный оптимистический официальный статус вепсам утвержден в 2000 г. в форме *коренного малочисленного народа России* [112: 13–14].

Вместе с тем, понимая, какую историческую роль сыграли вепсы в становлении традиционной культуры Приладожья, учитывая, что во все обозримые времена между ними и постепенно расширяющими свое место в этом регионе славянскими/русскими поселенцами, едиными по вере и образу жизни, они всегда сотрудничали и никогда не находились в каких-либо (экономических или военных) конфликтах, мы несомненно не можем не видеть органической связи между их традиционными культурами. Вепсский субстрат органично вошел в русскую традицию (это особенно существенно проявляется в инструментальном искусстве, которому по своей сути и специфике вообще не свойственны языковые ограничения). В свою очередь, многие инструменты и их названия (как и обозначения других явлений и вещей) были заимствованы вепсами у русских. Поэтому, изучая русские инструментальные традиции Приладожья, мы естественно находим аналогии и параллели в культуре вепсов (и шире — финно-угорских народов) с русской. Учет и осознание этого чрезвычайно важны для понимания своеобразия изучаемой культуры. Равно как и осознание истории и культурно-функционального своеобразия обитателей приладожских земель.

В контексте нашей тематики здесь важно отметить, прежде всего, следующие обстоятельства.

1. В традиционной хозяйственной деятельности жителей Южного Приладожья значительное место (наряду с огородничеством, садоводством, подсечным и приусадебным земледелием) принадлежит *охоте* и *животноводству* (дающим сельской общине мясо, молоко, шкуру, рога и производные от них продукты питания и жизнеобеспечения) — широким по зоне географического охвата лесов, лесных лугов и пастбищ, передвижений по ним, тесно связанными с этим *культурам охотничьего промысла и пастушества*, нормативно — *мужской составляющей* этих сфер деятельности, важности труда и личности *охотника* и особой, в т. ч. социальной, значимости и высокопрофессиональной роли *пастуха* — *синкретического деятеля* материальной и духовной культуры (в том числе искусства).

Собственно говоря, названный синкретизм присущ и традиционным специалистам в области охоты. Здесь не только *отпугивающие*, направляющие к определенным местам-засадам, где их ждет группа ловцов, но и *условные* (договорные) *сигналы общения* охотников между собой, требующие хорошей *ориентации в пространстве* и *понимания семантики* сигналов.

Особенно ярко синкретизм проявляется в тех звуковых проявлениях, где имеют место *манковые формы* — *приманивание* животного с помощью определенных исполнен-

ных на специальных инструментах звуковых структур, имитирующих писк детенышей, вызывающих к матери, пение самки для приманивания самца и т. п.

Синкретизм, неразделимость *материальной*, трудовой задачи и *духовной* (веры, знаний и представлений о красоте) ярко выразил в разговоре с автором этих строк (весной 2015 г.) профессиональный охотник из Лодейнопольского района (фамилию свою он просил не называть): «Глухарь не дурак, на каку-таку музыку не прилетит. Надо так сыграть, коб глухарь *поверил*, што то — птица, *глухарка* (самка), што она *в пору цвета* (т. е. готова к совокуплению), што она *хороша, красива*, и у его вкус!»

Еще более отчетливо о необходимости *синкретического единства знания, умения, искусства* рассказал автору выдающийся традиционный музыкант-жалеечник и бывший пастух из деревни Городище Киришского р-на П. Г. Бувев (см. его фото в Приложении). Он приглашал приехать к нему для экспедиционной документации изготовления *рожка* (монолингвального аэрофона типа жалейки) к середине мая, когда дерево лучше всего готово для процедуры. Выйдя на остановке автобуса, я обратил внимание на большую очередь в магазине. В деревне стояла очередь за молоком?! — Я спросил Павла Григорьевича — отчего так?

— Дак это ваша городска наука!

— Как это?

— У нас раньше в деревни 200 коров давали больш молока, как нынё 500!..

— Отчего?

— Дак — ваша городска наука!

Потом объяснил. «Корове, как и человекку, нужны (у телевизоре твердя) и *материальна*, и *духовна благодать*. Корова ест в ходу (в движении). Как придё на место, где ужо была, ести не будё! Ну, луг велики, за день у сезон ёй куды хватит!.. А на други день веду на друго место...

— А как же вы следите за ними (их в стаде у него порой было 170 и более)?

— А чёго? У каждой — свой звонок (колокольчик на шее), у каждой — свой звон. Чую: чтой-то Маньки не слышать, привспомню: где была до того. Иду на то место, гляжу: застряла за кореньё — помогу.

— Это какие слух и память надо иметь! — думаю я.

— А вы-то пастухов убрали (в определенные годы с ними боролись и как со слишком независимыми, на все имеющими свои взгляды и точку зрения, да и как с наследием феодализма! — И. М.). Кусок луга огородить! Коров — в узки загон! По сменам разные чередуют. Корова придет на то место, где только была, ести не буде. Голодны идут на ферму. Ну, им там подкормку, силос, химию... Это летом-то!..

— А духовное — это как? — спрашиваю.

— А так. Корове, коб молоко было, надо забеременеть. Каждый пастух знат дни, когда кака корова гулят (т. е. физиологически готова к этому. — И. М.). Но есть ишишо момент. Тот знат только бык!.. Гляжу: Дунька гулят. Вспомену, каки у ёё предпочтения? (П. Г. Бувев книги читает, радио, телевизор слушает. — И. М.). О! Илариён! Привожу быка. Они ходют, меж собой бесёды бают, про любов, про политику, выборы. Он ёй: кака она красива, как хвостом круте! Она ёму: како сильны, мудры, каки роги пригожие! Ну и у сам момент всё odbyваётсё! Сытая, шаслива корова! И много доброго молока буде!

А вы ж как? Быков-то боитесё. Ну, шприцом у их возьметё, коровам усем вольетё. Можэ, кака и забеременё. Бедна, голодна, щастё не познала. Како будё у ёё молоко?!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru